

Между философией и идеологией, между марксизмом и социал-демократией, Плеханов помещается на пересечении сложных путей, которое определила история в единой линии детерминации.

Использованная литература

- Георгий Плеханов. Социализм и политическая борьба. / Философские сочинения. Издательство "Прогресс". Москва, 1961.
- Ален Безансон. Интеллектуальные истоки ленинизма. Переизд. Agora Pocket, 1986.

МАРКСИЗМ-XXI: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Н.А. Косолапов (Москва)

С распадом соцсодружества и СССР марксизм политически оказался на развилке. С одной стороны, социалистическая идея в целом переживает тяжелейший на ее веку кризис, умножаемый потугами мировой реакции сделать его необратимым. С другой, падение прежних административно-идеологических шор открыло возможности для мощного рывка в развитии марксизма, для ответа на новые интеллектуальные, политические, практические вызовы мира XXI века. Но на этом пути были и пока остаются немалые идейно-политические трудности.

Классический марксизм, оставленный нам его основоположниками, дал науке и практике ряд гипотез исторического масштаба и значения. Их проверка – дело не одного десятилетия и, по-видимому, даже не одного века. По существу только сейчас, спустя 150 лет, честная марксистская мысль получила в свое распоряжение опыт, научный анализ которого позволяет приступить – пока не более чем приступить – к оценкам изначальной гипотезы и, не исключено, ее некоторой корректировке.

Такой анализ, в свою очередь, должен будет задаться рядом трудных вопросов. Прежде всего предстоит разобраться, что такое сам марксизм – наука, неорелигия или научная идеология. Как теория, ориентированная на социальное изменение мира, он включает науку, но конечно же, больше чем просто наука. Как последней, марксизму предстоит интегрироваться со всеми достижениями естественных и социальных наук, полученными за последние полтора века. Но здесь никаких принципиальных проблем теоретического или методологического характера нет. Установка марксизма на поиск объективных закономерностей жизни и развития общества ныне еще более актуальна, чем когда была впервые выдвинута. Обращения к церкви, астрологам, политтехнологам – циклический откат в реакцию и мракобесие, ни одной проблемы XXI века он не разрешит. У истоков марксизм опирался на атеистическое миропонимание. Атеизм, однако, *тоже вера* – но не в Бога, а в его отсутствие. Поэтому атеистическое сознание сродни религиозному, их структуры идентичны. Разница – в предмете веры, но сама вера в обоих случаях – фундамент сознания и мировосприятия. Вот почему марксизм удалось трансформировать в неорелигию марксизма-ленинизма.

Идеология, научная в полном смысле этого слова, видимо, несбыточная мечта. Трудность не только в том, что для нее резко недостает потребных фундаментальных и социотехнологических знаний. Непреодолимая трудность – в природе самой

идеологии как явления, возникающего там и тогда, где и когда осознаваемый дефицит знаний и опыта приходится вынужденно компенсировать нормативными гипотезами. Собственно, в такой компенсации и заключается важнейшая социальная функция явления, призванного отвечать на вопрос «как жить, когда неизвестно, *как* (а иногда и *зачем*) жить?» Но идеология, на деле *стремящаяся* быть по возможности максимально научной, должна опираться на мощную систему эффективных обратных связей с обществом и наукой.

К концу XX века марксистская мысль накопила множество вопросов, без ответа на которые марксизм останется в конечном счете лишь эпизодом в эволюции рационалистических мышления и практики. Значимым, но эпизодом. Основные из этих вопросов можно суммировать следующим образом:

--- альтернативу чему ищет и предлагает марксизм? У его истоков это была альтернатива классическому, по современным представлениям «дикому» капитализму. В мире начала XXI века новая марксистская альтернатива должна противостоять одновременно (а) массивам дикости, которые втягивает в себя, перемешивает с современностью процесс глобализации; (б) неолиберальным и родственным им попыткам вернуть социально ответственную экономику к эпохе капитализма «дикого», но теперь уже опирающегося на тоталитарный потенциал информационных технологий; (в) всем тем сторонам реального социализма XX века, которые в совокупности предопределили кризис социалистической идеи. Распад СССР сам по себе не опровергает краеугольные положения марксизма. Но с учетом обретенного опыта и пройденного пути иначе смотрятся положения теории и практические проблемы социализма, оставшиеся в тени или вообще не существовавшие во времена классического марксизма;

--- современное, притом практическое понимание сути и целей социализма – несводимое к социалистическому варианту «общества потребления». Главный и принципиальнейший вопрос: социализм – это механистически понятый зримый (т.е. отталкивающийся от внешних форм) антипод капитализма (тогда какого – классического или современного?) – или нечто иное, качественно новое? Если последнее, то что именно? Картина реального социализма может принципиально отличаться от его образа в представлениях идеалистов. XX век дал три типа реального социализма: коммунистический, идейно и практически наследовавший большевизму; социал-демократический и – как ни противно это признавать – национал-социалистический. Социально-экономические итоги первого и второго трудно сравнивать: страны бывшего соцсодружества начинали с гораздо более низкого уровня, чем Западная Европа, и понесли самые тяжкие потери во II мировой войне. Но в Европе, соцстранах, Китае успехи достигнуты благодаря социализму: в СССР и КНР – радикально-коммунистическому, Европе Западной – социал-демократическому. На всем протяжении XX века капитализм и социалистическая идея развивались в теснейшей взаимосвязи. Текущие итоги их развития – результат этой взаимосвязи, а не автономной эволюции каждой из двух систем. Эта взаимосвязь оказалась ныне под тройным ударом: со стороны США, навязывающих миру неолиберализм с выраженным фундаменталистским креном; со стороны тех сил, которые категорически не приемлют модернизацию, ведущую к западным типу и

структуре общества и образу жизни; а также со стороны тех, кто под разными лозунгами пытается скрестить неустрашимые уже из современной цивилизованной жизни социальные достижения социализма с практикой и идеологией осовремененного национал-радикализма. При этом национал-социализм был в прошлом, остается сегодня эффективным средством дискредитации иных форм социализма и борьбы против них;

--- вопрос о революции как главном и/или единственном пути перехода от капитализма к социализму. Не вдаваясь детально в эту сложнейшую проблему, зададимся вопросом, насколько допустима сегодня революция как *осознанный выбор* в развитой стране, насыщенной технологическими инфраструктурами и оружием массового поражения? Положение о насилии как повивальной бабке Истории – беспспорная констатация применительно к прошлому, но вряд ли прокрустово ложе для будущего. Упор на революционные методы и средства борьбы как единственно верные и допустимые выхолостил научное содержание марксизма, деформировал практику социализма в СССР и странах, первыми и по собственной инициативе вставших на этот путь, в конечном счете сыграл едва ли не решающую роль в постигшей СССР катастрофе. Г.В.Плеханов, не разделявший всеобщий восторг начала XX века перед приближением революции и осудивший октябрьский переворот 1917 г., оказался исторически прав.

--- проблема амплитуды колебаний исторического маятника. Ход истории складывался так, что амплитуда колебаний развития отдельных стран и народов вдоль «исторической равнодействующей» мирового прогресса увеличивалась. Этот процесс усиливался на протяжении XX века и продолжает нарастать. Действия США во многом этому способствуют (хотя действиями только США данный эффект не объясняется). Задача – уменьшить амплитуду колебаний вдоль той же равнодействующей. Замахиваться на последнюю рано. При этом центральное или одно из главных противоречий развитой части современного мира (включая бывший СССР) – между амбициями многому научившегося человека и все более остро ощущаемой неадекватностью имеющихся у него знаний и средств проблемам и задачам, которые ставят перед ним мировое развитие и его собственные амбиции.

Ответить на эти и многие не упомянутые здесь вызовы возможно. Но для этого необходимо избавиться наконец от вбитого в нас предрассудка о вреде, преступности, недопустимости так называемого *ревизионизма*. Сей политический ярлык сродни понятию ереси в религии и превращает научную идеологию в религию. Но религия в принципе не верифицируема и потому способна сохранять действенность века и тысячелетия. Идеология, заявляющая о наличии у нее научных оснований, неминуемо стоит перед неизбежностью верификации ее положений и должна не «считаться» с такой перспективой, но из нее исходить. Развитие взглядов есть всегда в большей или меньшей степени ревизионизм. Институционально-политические системы, не способные на интеграцию в теорию и практику результатов непрерывной верификации (тем паче прямо нацеленные на исключение, минимизацию обратных связей между жизнью и управлением), обрекают на неизбежный кризис и идеологию, и общество.

XXI век предъявляет спрос на способность марксизма к новому витку его развития – по творческой мощи аналогичному интеллектуальному прорыву начала XX столетия, неразрывному с именем Г.В.Плеханова, но направленному на решение неизмеримо более сложных проблем современного мира.